

РУССКОЕ КАНТИАНСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ИСТОКИ, ИМЕНА, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Никулина Ольга Вячеславовна

канд. филос. наук, доцент, Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут

RUSSIAN CANTANIANS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: ORIGINS, NAMES, NATIONAL FEATURES

Olga Nikulina

candidate of philosophy, associate professor, Surgut State University, Russia, Surgut.

Аннотация. В статье рассматривается кантианство в России в первой половине XIX столетия. Особое внимание уделяется исследованию истоков, анализу воззрений представителей и выявлению национальных особенностей этого течения отечественной философии.

Abstract. The article examines Kantianism in Russia in the first half of the XIX century. Particular attention is paid to the study of sources, the analysis of views of representatives and the identification of national characteristics of this trend of domestic philosophy.

Ключевые слова: кантианство; критическая философия; априоризм; трансцендентализм; антропология; теория познания; метафизика; богословие; чувственность; рассудок; разум; деизм; натурализм; скептицизм; агностицизм.

Keywords: Kantianism; critical philosophy; apriorism; transcendentalism; anthropology; theory of knowledge; metaphysics; theology; sensuality; mind; reason; deism; naturalism; skepticism; agnosticism.

Формально русская кантиана началась в 1781 г., когда в г. Риге, в то время входившей в состав Российской империи, было опубликовано первое издание «Критики чистого разума». Второе издание главного труда Иммануила Канта (1724–1804 гг.) вышло в свет там же в 1787 г. В 1783 г., в г. Риге, также были напечатаны «Прологомены», а в 1788 г. – «Критика практического разума» [5, с. 37–40].

Первые сведения о философии Канта проникли в нашу страну еще при жизни кенигсбергского мыслителя – в 80–90-е гг. XVIII в.

В 1786 г. в Россию из г. Геттингена был приглашен Людвиг Мельман. Он преподавал сначала в гимназии при Московском университете, а в 1792–1793 и в 1793–1794 уч. гг. – и в самом Московском университете. Л. Мельман был хорошо знаком с философией Канта и первый принес о ней сведения в московский ученый круг. Он часто рассуждал о «критицизме», знакомя своих собеседников с его важнейшими началами. По-видимому, увлекаясь новой

философией, Л. Мельман слишком свободно высказывался по религиозным вопросам, за что в январе 1795 г. был отрешен университетским начальством от своей должности и впоследствии покинул Россию.

18 июня 1789 г. с Кантом лично встречался русский историк и писатель Николай Михайлович Карамзин (1766–1826 гг.), который был у него в гостях. Их разговор, касавшийся не только общих проблем метафизики, но и вопросов нравственности и религии, продолжался около трех часов. Российского путешественника поразила в Канте не только глубина умозрения, но и терпимость по отношению к людям, уважение к чужой точке зрения. Вернувшись в Россию, Н. М. Карамзин опубликовал в «Московском журнале» любопытные заметки о пребывании в г. Кенигсберге.

28 июля 1794 г. в качестве иностранного члена Кант был избран в Санкт-Петербургскую Академию наук. На протяжении нескольких месяцев немецкий мыслитель состоял в переписке с русским дипломатом Александром Михайловичем Белосельским-Белозерским (1752–1808 гг.), представившим ему на отзыв свой трактат «Дианиология, или Философические картины познания». Князь А. М. Белосельский-Белозерский был образованнейшим человеком своего времени, состоял членом Санкт-Петербургской Академии наук, Российской Академии словесности, Академии художеств. Несколько лет он прослужил русским посланником в г. Дрездене и г. Турине.

Кант увидел в трактате А. М. Белосельского исследование тех же познавательных способностей человека, которые он ранее рассмотрел в «Критике чистого разума». В наброске письма к русскому дипломату кенигсбергский мыслитель писал: «Вашему сиятельству суждено было разработать то, над чем я трудился в течение ряда лет, – метафизическое определение границ познавательных способностей человека, но только с другой, а именно, с антропологической стороны» [3, с. 279].

С начала XIX в. знакомство российских ученых кругов с основными положениями учения Канта расширяется и углубляется. Появляются первые переводы его сочинений, статьи о нем, библиографические обзоры, учитывающие работы Канта и кантианцев, читаются лекции о «критической философии».

С приездом в Россию для работы в университетах немецких профессоров И. Буле, И. Шада, Л. Якоба, Х. Ф. Рейнгардта, И. Х. Финке круг знакомых с философией Канта значительно расширился. Этому способствовали переводы некоторых его сочинений: «Кантово основание для метафизики нравов» (Николаев, 1803 г.); «Заметки о чувствах великого и прекрасного» (Лейпциг, 1804 г.); «Иммануила Канта наблюдения об ощущении прекрасного и возвышенного» (1812 г.); «Начертание Эстетики, извлеченное из Кантовой критики эстетического суждения» (журнал «Улей», 1812 г.).

Ознакомлению с учением Канта также способствовали многочисленные переводы учебника кантианца Г. Снелля «Начальный курс философии». В русском переводе было опубликовано сочинение французского историка Ш. Ф. Виллера «Кантова философия» (1807 г.). Большим влиянием в университетских кругах пользовался многотомный труд немецкого историка философии У. Теннемана «История философии», в котором содержались положения, вполне согласовавшиеся с трансцендентальным учением. По этому учебнику читали историю философских систем университетские преподаватели М. А. Пальмин и Н. Ф. Рождественский.

Из русских авторов первой четверти XIX в. наиболее полно философию Канта рассмотрел Александр Иванович Галич (1783–1848 гг.) в своей «Истории философских систем» (1819 г.). Поставив себе целью создание оригинальной концепции «человековедения», А. И. Галич пришел к выводу, что философия и богословие нуждаются в антропологическом обосновании. Православный мыслитель пытался рассмотреть человека с широкой точки зрения, примерно соответствующей той, которая была установлена для антропологии Кантом. Однако в целом его учение оценивалась А. И. Галичем как философия разрушительная, противоречащая здравому смыслу и ведущая к схоластике [4, с. 107–108].

Но это лишь внешняя история кантианы в России. На отечественную социально-философскую мысль оказало влияние не столько основное сочинение Канта «Критика чистого разума»,

сколько эстетические, этические и правовые идеи кенигсбергского мыслителя. Из теории познания особенно привлекательным казался кантовский агностицизм, как бы доказывающий христианскую догму о непознаваемости разумом Бога.

Приведем еще несколько примеров, показывающих, что у Канта считалось позитивным, а что негативным с точки зрения русских философов первой половины XIX в.

Так, профессор Санкт-Петербургского университета, а затем и Санкт-Петербургской духовной академии Адам Андреевич Фишер (1799–1861 гг.), прославивший в глазах официальных властей «образцовым философом», следующим образом оценивал учение Канта: «Строгая и глубокая критика Кенигсбергского философа умерила преувеличенные требования метафизиков; провела демаркационную линию между философией как наукой и философией, как истолкованием трансцендентальных идей веры; прежняя область философов уже значительно сжата в своих границах, но собственно Философия не пострадала от этих переворотов, наоборот, она более утвердилась на своих законных владениях... на основании коих она должна быть почитаема царицею Наук, основною Наукою» [5, с. 38].

Профессор Киевской духовной академии Иван Михайлович Сковрцов (1795–1863 гг.) посвятил философии Канта специальную работу «Критическое обозрение кантовской религии в пределах одного разума». Он считал, что немецкий мыслитель открыл три важных истины: во-первых, в познании сверхчувственных вещей человеческий разум сам по себе недостаточен; во-вторых, все начала нравственности, основанные на понятиях удовольствия и счастья, не нравственны и не имеют достоинства закона; в-третьих, человек по природе поврежден или развращен. Истины эти, известные из Откровения, доказаны Кантом из разума, и потому богослов и философ могут пользоваться его свидетельствами против неверующих подобно тому, как некогда отцы Церкви для защиты христианства привлекали свидетельства Платона и Аристотеля. В целом же философия религии Канта подлежит осуждению, поскольку представляет собой деизм, натурализм и полускептицизм.

Приняв эти три положения кенигсбергского мыслителя, И. М. Сковрцов выдвигает еще два, направленных против него самого: первое – против деизма Кантова понимания религии, отдаляющего Бога от человека и человека от Бога, а второе – против его натурализма, не допускающего ничего сверхъестественного и поклоняющегося одному лишь практическому разуму.

По мнению известного русского философа Г. Г. Шпета, И. М. Сковрцов – «самый консервативный из духовно-академических философов, признававших необходимость сдвинуться с мертвой точки вольтианской философии и в то же время сохранить уже установившуюся традицию... “здоровой философии”» [6, с. 194].

Автором работы «Критический взгляд на философию Канта» был преподаватель Киевской духовной академии, а затем и Университета Св. Владимира Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий (1813–1889 гг.). По его мнению, именно с кантовского учения начинается новая эпоха в философии. Значение Канта состоит в том, что он сосредоточился на внутреннем процессе мышления. С этого времени философия стремится извлечь законы бытия из духа, а все богатство опытных данных возвести к чистой форме мысли, постигнув их внутреннюю связь с законами мышления. В этом отношении С. С. Гогоцкий проводит линию от «критицизма» И. Канта к «наукословию» И. Г. Фихте, к «трансцендентальному идеализму» Ф. В. Й. Шеллинга, к диалектической системе Г. В. Ф. Гегеля и ко всем современным им философским исследованиям при незначительных исключениях.

В «критической философии» С. С. Гогоцкий выделяет две стороны: во-первых, положительную, т.е. те правильные начала и понятия, которые доставили ей высшее значение в сравнении с прежними учениями и вошли в состав новейшей философии, во-вторых, – отрицательную, т.е. те понятия, которые противоречат коренным требованиям человеческого духа.

В заслугу Канту следует поставить доказательство априорности форм чувственного восприятия пространства и времени и форм рассудка, или категорий. К позитивным сторонам трансцендентального учения также относятся: во-первых, разграничение разума как высшей

познавательной способности и рассудка; во-вторых, положение о том, что рассудок и его категории имеют дело только с явлениями, а предметом разума является безусловное; в-третьих, то, что нравственная философия отказалась от эмпирических начал.

Но одновременно С. С. Гогоцкий нашел у Канта много разных несообразностей и противоречий. Прежде учение кенигсбержца совершенно разделяет две стороны философского знания: начало мыслящее, или разум в широком смысле этого слова, и сущность предметов познания. Разум лишается способности проникнуть в сущность вещей, а сущность вещей – возможности быть понятой. Другими неприемлемыми положениями «критицизма» С. С. Гогоцкий считал неправомерность противопоставления разума и предмета, учение о «вещи в себе», отрицание реального существования вещей в пространстве и времени, разъединение практического разума, теоретического разума (рассудка) и способности суждения [1, с. 39].

Встречались, однако, и непримиримые противники Канта. Отрицательное отношение к кантовскому учению, в основном, преобладало в церковной среде.

Так, видный отечественный мыслитель архимандрит Гавриил, в миру Василий Николаевич Воскресенский (1795–1868 гг.), отличался резким неприятием «критической философии». В учении Канта русского богослова прежде всего не устраивало понимание Бога как «вещи в себе» и трактовка «религии в пределах только разума». В своей преподавательской деятельности в качестве профессора Казанского университета, сначала по кафедре церковного права, а затем и по кафедре философии, архимандрит Гавриил (В. Н. Воскресенский) часто полемизировал с учением Канта. Свое мнение о кантовой философии он изложил в IV части «Истории философии» (1839 г.) [2, с. 107–108].

А рязанский архиепископ Феофилакт, член св. Синода и Комиссии духовных училищ, даже написал донос, как на кантовскую философию, так и на работавших в России ее приверженцев. Целями философии Канта, утверждал архиепископ, являются, во-первых, ниспровержение христианства, во-вторых, замещение его даже не деизмом, а совершенным безбожием. Священному Писанию немецкий философ дает такое толкование, что ни пророки, ни апостолы не были святыми, а Христа необходимо допускать только в аллегорическом смысле, т.е. почитать его не больше, чем моральный «идеал».

Для замещения христианства безбожием Кант вводит «церковь чистого разума». В этой церкви: 1) никто не верит бытию Божию; 2) никто не верит бессмертию души; 3) нет никаких обязанностей в отношении к Богу, следовательно, молиться некому и не для чего; 4) присяга в верности к Государю есть один суеверный обряд; 5) одни добродетели суть свободные действия, а всякий поступок, грехом почитаемый, есть невольное дело.

В светских направлениях отечественной философии было меньше столь пространных «анализов» философии Канта, чем в духовных академиях. Можно назвать лишь одного яростного защитника «критической философии» – публициста и статистика Василия Петровича Андросова (1803–1841 гг.). Он опубликовал статью «Рассуждения о Кантовой философии» («Вестник Европы», 1829 г.), в которой доказывал, что роль Канта в философии подобна роли Коперника в астрономии, а сам он составляет целую эпоху европейской мысли.

А вот критиков учения Канта из светской среды, особенно из среды естествонаучной и философов-эмпириков, было гораздо больше.

В 1805 г. свои «Письма о критической философии» («Вестник Европы», 1805 г.) опубликовал русский философ-деист Александр Степанович Лубкин (1771–1815 гг.), при этом изложив основные положения трансцендентализма. В 1812–1815 гг. он был адъюнктом, а затем профессором кафедры философии Казанского университета. А. С. Лубкин первым среди отечественных мыслителей публично заговорил о Канте, с позиций сенсуализма подвергнув критике его гносеологию, в частности, учение о пространстве и времени.

С Кантом полемизировали, в первую очередь, по проблемам априоризма и понимания пространства и времени как субъективных форм созерцания, математик и физик, профессор и ректор Харьковского университета Тимофей Федорович Осиповский (1765–1832 гг.), а также

математик и ректор Казанского университета Николай Иванович Лобачевский (1792–1856 гг.).

В крайне резких тонах всю немецкую идеалистическую философию, в том числе кантовскую, критиковал профессор и ректор Императорского Виленского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук Ян Снядецкий (Иван Андреевич Снядецкий) (1756–1830 гг.). Он изображал учение Канта как «набор странных мыслей и бредней», замаскированных и подновленных искусно расположенными словами, как «вздорное умничание», платонизм, «подшитый мыслью Пифагора», «превращенный в догматизм и залитый всеми нечистотами схоластицизма» [5, с. 41].

Таким образом, несмотря на усвоение отечественными мыслителями отдельных сторон «критической философии», кантианская школа в России в первой половине XIX в. так и не сложилась. Причина этого лежит, прежде всего, в противоречии учения Канта духу и букве официальной православной идеологии. Однако воздействие идей великого кенигсбержца в России в первой половине XIX в. было весьма плодотворным и способствовало развитию передовой философской мысли.

Список литературы:

1. Абрамов А. И. Гогоцкий Сильвестр Сильвесторович // Русская философия: Словарь. - М.: Республика, 1995. - С. 117-118.
2. Ванчугов В. В. Гавриил // Русская философия: Словарь. - М.: Республика, 1995. - С. 107.
3. Гулыга А. В. Кант. 3-е изд. - М.: Соратник, 1994. - 316 с.
4. Приленский В. И. Галич Александр Иванович // Русская философия: Словарь. - М.: Республика, 1995. - С. 107-108.
5. Пустарнаков В. Ф. Русско-немецкие философские связи в контексте политико-идеологической и философской ситуации в эпохи Александра I и Николая I // Философия Фихте в России. - СПб.: РХГИ, 2000. - С. 21-47.
6. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. - М.: Правда, 1989. - С. 189-194.